



Научная статья

УДК 159.95

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-272-278>

EDN: <https://elibrary.ru/phqgrz>

НИОН: 2003-0059-6/25-445

MOSURED: 77/27-003-2025-06-644

Индивидуально-психологические особенности пользователей социальных сетей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности

Альбина Салавовна Лолаева¹, Виктория Владимировна Ильченко²

¹ Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия, mirag.8184@yandex.ru

² Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, Владикавказ, Россия, vilchen@mail.ru

Аннотация. Исследуются философские, психологические и правовые аспекты индивидуально-психологических особенностей пользователей социальных сетей в зависимости от уровня их виртуальной идентичности. Предмет исследования: индивидуально-психологические особенности пользователей социальных сетей, имеющих различный уровень виртуальной идентичности. Объект исследования: пользователи социальных сетей с разным уровнем виртуальной идентичности. Выборка: в исследовании приняли участие 100 человек (N=100), пользователи социальных сетей, в возрасте от 17 до 25 лет (M=19,75, SD=1,56). В состав выборки вошли 43 девушки (43 %) и 57 юношей (57 %), которые являются студентами высших учебных заведений.

Гипотезы исследования: 1. Мы полагаем, что существуют различия в индивидуально-психологических особенностях у респондентов с разным уровнем виртуальной идентичности. Для пользователей с низким уровнем виртуальной идентичности в большей мере характерен самоконтроль, аккуратность, настойчивость по сравнению с респондентами с более высоким уровнем виртуальной идентичности. 2. Существует связь между индивидуально-психологическими особенностями личности и компонентами виртуальной идентичности («склонность к кибераддикции», «принятие субкультуры», «виртуальный образ»).

Ключевые слова: виртуальная идентичность, социальные сети, индивидуально-психологические особенности, кибераддикция, склонность к кибераддикции, самоконтроль, виртуальный образ, принятие субкультуры, личностные черты, вовлеченность онлайн, импульсивность; предусмотрительность, ответственность

Для цитирования: Лолаева А. С., Ильченко В. В. Индивидуально-психологические особенности пользователей социальных сетей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 272–278. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-272-278>. EDN: PHQGRZ.

Original article

Individual psychological characteristics of social network users with varying degrees of virtual identity

Albina S. Lolaeva¹, Victoria V. Ilchenko²

¹ Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia, mirag.8184@yandex.ru

² North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, vilchen@mail.ru

Abstract. Studied the philosophical, psychological and legal aspects of the individual psychological characteristics of users of social networks, depending on the level of their virtual identity. The subject of the study is the individual psychological characteristics of users of social networks with different levels of virtual identity. The object of the study: users of social networks with different levels of virtual identity. Sample: 100 people (N=100), social media users, aged 17 to 25 years (M=19.75, SD=1.56) participated in the study. The sample included 43 girls (43 %) and 57 boys (57 %) who are university students.

Research hypotheses: 1. We believe that there are differences in individual psychological characteristics among respondents with different levels of virtual identity. Users with a low level of virtual identity are more characterized by

© Лолаева А. С., Ильченко В. В., 2025



self-control, accuracy, and perseverance compared to respondents with a higher level of virtual identity. 2. There is a connection between individual psychological characteristics of personality and components of virtual identity («tendency to cyberaddiction», «acceptance of subculture», «virtual image»).

Keywords: virtual identity, social networks, individual psychological characteristics, cyberaddiction, tendency to cyberaddiction, self-control, virtual image, acceptance of subculture, personality traits, online involvement, impulsivity; foresight, responsibility

For citation: Lolaeva A. S., Ichenko V. V. Individual psychological characteristics of social network users with varying degrees of virtual identity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):272–278. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-272-278>. EDN: PHQGRZ.

XXI век отличается тотальным распространением онлайн-сервисов, в частности, социальных сетей. Данные виртуальные площадки, «изначально предназначенные для обеспечения онлайн-общения, в настоящее время трансформировались в пространства для саморазвития, самоутверждения, самопознания» [1]. Социальные сети представляют собой современную цифровую инфраструктуру, предоставляющую пользователям широкие возможности для осуществления различных видов деятельности, таких как профессиональная деятельность, образовательные процессы, коммерческая деятельность и социальные взаимодействия. Эта онлайн-среда способствует формированию виртуального пространства, в рамках которого участники могут осуществлять коммуникацию, обмениваться информацией и реализовывать личные и профессиональные цели. В рамках виртуальной активности можно выделить как целенаправленные действия, такие как поисковые запросы, развитие компетенций и получение образования, так и случайные, связанные с просмотром ленты новостей и другими подобными действиями без четкой цели. Платформы социальных сетей способствуют удовлетворению потребностей в коммуникации, расширении знаний и развлечениях, способствуя разнообразию и удобству онлайн-активности.

Немаловажно, что «именно социальные сети предоставляют множество возможностей для пользователей по экспериментированию с собственной идентичностью» [2]. Как известно, «основой идентичности личности является комплекс отношений к себе, к окружающим людям и событиям» [3]. По мере увеличения времени, проведенного в виртуальной сети, возрастает риск утраты интереса к реальному общению. Это может негативно повлиять на развитие коммуникативных навыков, способность к эмпатии и умение строить доверительные отношения. В результате человек может стать менее социальным, а его личные связи — менее стабильными и глубокими. Современная глобальная виртуализация общества и широкое внедрение социальных сетей приводят к значительным трансформациям в структуре личности человека. В условиях цифровой эпохи формируется новая виртуальная идентичность, которая становится важнейшим аспектом современного самосознания. Данная виртуальная составляющая личности развивается под

воздействием онлайн-коммуникационных процессов, оказывая влияние на субъективное восприятие себя и окружающей действительности. В результате этого процесса создается уникальный образ, характерный для пользователей социальных платформ, что свидетельствует о существенных изменениях в формировании индивидуальности в условиях цифровой социальности.

Нами были изучены связи между индивидуально-личностными характеристиками и виртуальной идентичностью, активностью в социальных сетях. Для выявления связи использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Проведенное исследование показало, что «Виртуальный образ» обратно связан с показателем «понимание — непонимание» и «настойчивость — отсутствие настойчивости». Данная обратная связь указывает на то, что лица, склонные к созданию выраженного виртуального образа (возможно, более идеализированного или отличного от реального), демонстрируют меньшую способность к пониманию других людей и меньшую настойчивость в достижении целей.

Показатель виртуальной идентичности «Принятие субкультуры» обратно связан с достаточным количеством личностных характеристик. Так установлены обратные связи со следующими показателями: «проявление — избегание чувства вины», «привязанность — обособленность», «теплота — равнодушие», «сотрудничество — соперничество», «понимание — непонимание», «самоконтроль — импульсивность», «аккуратность — неаккуратность», «настойчивость — отсутствие настойчивости» и «ответственность — безответственность». Следовательно, чем более сильно выражен показатель «Принятие субкультуры», тем менее выражены данные личностные характеристики. Высокий уровень принятия субкультуры может сопровождаться снижением потребности в привлечении индивидуального внимания и проявлении уникальности, поскольку приоритетом становится соответствие нормам и ценностям группы. С другой стороны, принятие субкультуры, особенно в онлайн-среде, может приводить к отчуждению от реальных социальных связей и снижению способности к пониманию и сопереживанию людям, не входящим в субкультуру. Замкнутость в рамках субкультуры может создавать барьеры для межличностного понимания.



Также были выявлены достоверные связи и с показателем «Кибераддикция», который обратно связан со следующими личностными характеристиками: «самоконтроль — импульсивность», «аккуратность — неаккуратность», «настойчивость — отсутствие настойчивости» и «предусмотрительность — беспечность». Соответственно, высокому уровню кибераддикции соответствует низкая степень выраженности данных характеристик. Высокий уровень кибераддикции, вероятно, сопровождается снижением способности к самоконтролю и планированию, а также большей склонностью к импульсивным действиям в онлайн-среде. Пользователи, зависимые от социальных сетей, могут испытывать трудности в ограничении времени, проводимого в онлайн-пространстве, и действовать импульсивно, не задумываясь о последствиях.

Как итог вышеуказанных корреляций мы можем отметить и аналогичные связи с интегральным показателем виртуальной идентичности, который обратно связан со следующими личностными характеристиками: «самоконтроль — импульсивность», «аккуратность — неаккуратность», «настойчивость — отсутствие настойчивости», «понимание — непонимание» и «предусмотрительность — беспечность». Таким образом, можно заключить, что чем выше уровень виртуальной идентичности, тем в большей степени проявляются тенденции к снижению самоконтроля, упорядоченности, настойчивости, пониманию и предусмотрительности. Данные связи подчеркивают потенциальные риски, связанные с чрезмерным увлечением виртуальным миром и формированием онлайн-идентичности, особенно в тех случаях, когда это происходит за счет реальной жизни.

Далее нами были рассмотрены результаты корреляционного анализа между индивидуально-личностными характеристиками и показателями активности в социальных сетях у испытуемых.

По результатам анализа нами были выявлены следующие значимые корреляции:

1. Отношение к социальным сетям обратно связано с личностной характеристикой «активность — пассивность», чем более негативное или критичное отношение проявляет человек к социальным сетям, тем выше его уровень активности и энергичности в реальной жизни, и наоборот. Возможно, лица с негативным отношением к социальным сетям, предпочитают компенсировать отсутствие активности в онлайн-среде активной деятельностью в реальной жизни.

2. Количество поддерживаемых аккаунтов в социальных сетях обратно связано со следующими личностными характеристиками: «активность — пассивность», «проявление — избегание чувства вины», «понимание — непонимание», «самоконтроль — импульсивность», «аккуратность — неаккуратность» и «депрессивность — эмоциональная комфортность». Данные связи указывают на то, что поддержание

большого количества аккаунтов может быть связано со снижением активности в реальной жизни, стремлением к анонимности, трудностями в понимании, отказом от самоконтроля, снижением аккуратности и повышенным риском депрессивных состояний.

3. Частота посещения своей страницы в социальных сетях обратно коррелирует с такими личностными характеристиками, как «настойчивость — отсутствие настойчивости» и «предусмотрительность — беспечность». Следовательно, чаще человек посещает свою страницу в социальных сетях, тем ниже его настойчивость и выше склонность к отсутствию настойчивости, а также более частое посещение социальных сетей связано с меньшей склонностью к планированию, оценке рисков и избеганию необдуманных поступков. Постоянное нахождение в социальных сетях, характеризующееся мгновенным удовлетворением потребностей, быстрым переключением внимания и легкодоступным контентом, может способствовать формированию привычки к легкому доступу к удовольствию и избеганию сложных задач, требующих усилий и настойчивости. Люди, часто посещающие социальные сети, могут испытывать трудности в концентрации на долгосрочных целях и более склонны к прокрастинации, поскольку мгновенное удовлетворение от онлайн-активности перевешивает необходимость в приложении усилий для достижения более отдаленных целей.

4. Увлеченность различными видами деятельности в социальной сети обратно связана со следующими личностными характеристиками: «активность — пассивность», «теплота — равнодушие», «аккуратность — неаккуратность» и «напряженность — расслабленность». Следовательно, высокой степени увлеченности соответствует низкая степень выраженности вышеуказанных личностных характеристик.

Философский анализ феномена виртуальной идентичности в контексте социальных сетей требует обращения к фундаментальным вопросам бытия, самосознания и отношения «Я» к Другому в условиях цифровой среды. Исследование, выявившее обратные корреляции между высоким уровнем виртуальной идентичности и такими качествами, как самоконтроль, настойчивость, понимание и предусмотрительность, ставит перед философией ряд острых дилемм, связанных с природой аутентичности и онтологическим статусом цифрового «Я».

Виртуализация активности в социальных сетях, особенно на этапе формирования выраженного «виртуального образа», представляет собой вариацию классической философской проблемы маски и лица. Если в театре маска (persona) — временный, осознанный инструмент, то в социальных сетях эта маска часто становится квазипостоянной репрезентацией, с которой индивид начинает себя идентифицировать.



С точки зрения экзистенциализма [4, с. 319–344; 5], аутентичность достигается через принятие своей конечности, ответственности за свой выбор и подлинное присутствие в мире. Результаты исследования, где высокий уровень виртуальной идентичности (включая «виртуальный образ») сопряжен со снижением настойчивости и предусмотрительности, могут интерпретироваться как уход от экзистенциальной ответственности. Идеализированный, легко конструируемый виртуальный образ позволяет отложить сложный, неидеальный процесс самоопределения в реальной жизни. Происходит «неаутентичное» бытие, где человек живет не своей действительной волей, а спроектированной потребностью в одобрении виртуальной аудитории.

Философский вопрос: Если идентичность все больше конституируется через цифровую проекцию, что остается от «подлинного» Я? Насколько этот виртуальный образ, будучи обратно связанным с «пониманием — непониманием», способен к истинной межличностной близости, которая, по М. М. Бахтину [6], возможна только в живом диалоге, а не в обмене сообщениями?

Обнаруженная обратная связь между компонентом «Принятие субкультуры» и широким спектром личностных черт (от самоконтроля до теплоты) заставляет задуматься о природе социального конформизма в цифровом пространстве.

В классической философии (Г. Тард, Г. Лебон) толпа рассматривается как регрессивное образование, где индивидуальное сознание растворяется в коллективном бессознательном. Социальные сети создают квази-толпу, объединенную общими хештегами или мемкультурой. Принятие субкультуры в данном контексте может означать отказ от сложности индивидуального суждения в пользу упрощенных, алгоритмически поддерживаемых нарративов. Снижение «теплоты — равнодушия» и «сотрудничества — соперничества» при высоком принятии субкультуры поднимает вопрос о границах социальной атомизации. Пользователь может быть гиперсоциализирован внутри своей группы, но при этом демонстрировать эмоциональное очерствение к тем, «вне круга». Это обращает классические представления о социальности: вместо расширения общения происходит его фрагментация по гомогенным кластерам, где критическое мышление замещается групповой лояльностью.

Обратные корреляции между кибераддикцией и предусмотрительностью/настойчивостью отражают философскую проблему времени и целеполагания. Классическая этика (И. Кант) основана на способности к отложенному удовлетворению и следованию долгу, который требует временной перспективы.

Социальные сети функционируют в режиме «вечного настоящего», где контент мгновенно обновляется, а вознаграждение (лайк) немедленно поступает.

Снижение предусмотрительности при кибераддикции означает, что индивид теряет способность к телеологическому планированию — ориентации на будущее. Виртуальная идентичность, управляемая алгоритмами мгновенного подкрепления, уводит пользователя из времени действия в время потребления. Философски это можно трактовать как разрыв между проектом и фактом существования, где человек предпочитает быть объектом постоянного внешнего стимулирования, нежели субъектом собственного, требующего усилий, развития.

Анализ индивидуально-психологических особенностей пользователей социальных сетей, особенно при выявлении снижения самоконтроля, аккуратности и настойчивости в пользу усиленной виртуальной идентичности, имеет прямые и не до конца урегулированные правовые последствия. Трансформация самосознания в виртуальной среде вступает в конфликт с концепциями дееспособности, ответственности и защиты персональных данных.

Выявленные корреляции, где высокий уровень виртуальной идентичности и склонность к кибераддикции сопряжены с низким самоконтролем — импульсивностью и предусмотрительностью — беспечностью, ставят под сомнение адекватность принятия юридически значимых решений онлайн. Правовая система традиционно основана на презумпции разумного и ответственного субъекта.

Если пользователь, особенно младшего возраста (17–25 лет, как в выборке), совершает онлайн-сделки или выражает юридически значимое согласие в состоянии повышенной импульсивности, вызванной аддитивным поведением в сети, возникает вопрос о его реальной свободе воли и информированном согласии. Хотя прямой юридический статус «виртуальной компульсии» отсутствует, результаты исследования могут служить основанием для более глубокого исследования необходимости введения механизмов защиты от саморазрушительных действий, совершенных под влиянием цифрового принуждения или аддикции.

Снижение ответственности и аккуратности (обратно связанные с поддержанием множества аккаунтов и принятием субкультуры) может стать фактором, усугубляющим правонарушения в сети (клевета, распространение запрещенного контента). Возникает проблема правового намерения (*mens rea*): можно ли считать преступным умыслом действие, совершенное в состоянии, когда личностные регуляторы (самоконтроль, предусмотрительность) значительно ослаблены из-за цифровой зависимости?

Формирование выраженного «виртуального образа» тесно связано с необходимостью защиты данных, которые этот образ конструируют. В российском праве Федеральный закон «О персональных данных» (№ 152-ФЗ, 2006 г.) и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (№ 149-



ФЗ, 2006 г.) регулируют обработку данных в соцсетях, требуя анонимизации и права на удаление (право на забвение, ст. 14 Закона № 149-ФЗ). Однако эмпирические данные показывают, что пользователи с множественными аккаунтами (обратная корреляция с самоконтролем и аккуратностью) часто создают фейковые профили, что провоцирует правовые коллизии: с одной стороны, это защищает анонимность (ст. 23 Конституции РФ о неприкосновенности частной жизни), с другой — облегчает кибербуллинг или дезинформацию, подпадающие под ст. 128.1 УК РФ (клевета) или ст. 282 (возбуждение ненависти). Высокая увлеченность соцсетями, коррелирующая с эмоциональной неустойчивостью, усиливает уязвимость: жертвы онлайн-харассмента сталкиваются с трудностями в доказывании ущерба, поскольку виртуальная идентичность размывает грань между реальным и вымышленным «Я».

Международные стандарты, такие как Пакт о гражданских и политических правах ООН (1966 г.), подчеркивают свободу выражения мнений в цифровом пространстве (ст. 19), но с ограничениями для защиты других прав. В субкультурах соцсетей (компонент «принятие субкультуры») это может привести к коллективной ответственности: модерация контента (по правилам Facebook или Meta) балансирует между свободой и цензурой, вызывая дебаты о цифровом суверенитете. Для предсавленной выборки (17–25 лет) правовые риски усугубляются: отсутствие зрелости (корреляция с импульсивностью) повышает вероятность нарушения авторских прав (ст. 1259 ГК РФ) при репостах или создание вредоносного контента.

Высокий уровень «виртуального образа», который коррелирует с меньшим пониманием других, может быть связан с неверной оценкой рисков утечки данных. Пользователь склонен формировать идеализированный образ, не контролируя его распространение. В контексте GDPR (Общего регламента по защите данных) и национальных законов, это может привести к тому, что данные, выставляемые напоказ, становятся объектом нежелательной обработки. Правовые механизмы должны учитывать: в какой мере пользователь, активно конструирующий свой публичный профиль, все еще может апеллировать к праву на забвение, когда его идентичность уже вплетена в социальную ткань сети?

С одной стороны, социальные сети требуют идентификации для юридической прослеживаемости, с другой — субкультуры и анонимные аккаунты предоставляют убежище для самовыражения. Снижение теплоты и сотрудничества в пользу принятия субкультуры может указывать на формирование замкнутых информационных пузырей. Правовая задача здесь — балансировать между необходимостью контроля за деструктивной деятельностью, требующей раскрытия истинной идентичности, и защитой права на свободу выражения мнения, часто требующей определенной анонимности (особенно для уязвимых групп).

Результаты, показывающие, как кибераддикция обратно связана с настойчивостью и аккуратностью, служат эмпирическим подтверждением возрастающего социального вреда от неконтролируемого использования платформ.

Если индивидуально-психологические особенности пользователя (снижение самоконтроля) являются прямым следствием дизайна платформы (алгоритмы вовлечения), юриспруденция вынуждена сместить фокус ответственности. Появляется понятие «конструктивного принуждения» или «дезинг-вины» (design fault), когда архитектура цифрового продукта намеренно эксплуатирует выявленные психологические уязвимости (например, потребность в немедленном вознаграждении, связанную с низкой предусмотрительностью).

Правовые нормы могут быть направлены на ограничение интенсивности и качества виртуальной активности. Если большая вовлеченность обратно связана с общей активностью и аккуратностью, возникает необходимость в законодательном стимулировании цифровой гигиены. Например, введение обязательных механизмов «охлаждения» или уведомлений для пользователей, чья активность достигла порогового уровня, коррелирующего с признаками аддикции.

Исследование показало, что общий уровень активности в социальных сетях обратно связан с характеристиками: «активность — пассивность», «теплота — равнодушие», «аккуратность — неаккуратность».

Данные обратные связи указывают на то, что высокая степень увлеченности различными видами деятельности в социальных сетях может быть связана со следующими тенденциями:

1. Лица, активно вовлеченные в онлайн-деятельность, могут испытывать снижение общей физической и социальной активности вне социальных сетей. Возможно, большая часть их энергии и времени направлена на виртуальную жизнь, что отражается в снижении активности в реальном мире.

2. Активная вовлеченность в виртуальную деятельность может быть связана со снижением эмоциональной вовлеченности в реальные отношения и снижение понимания, что может приводить к более сдержанному проявлению эмоций и даже к некоторой социальной отчужденности. Виртуальное общение, предлагая более контролируемый и опосредованный опыт, может заменить реальные, требующие больше эмоциональных затрат, взаимодействия.

3. Активная вовлеченность в онлайн-деятельность может быть связана с менее организованным подходом к жизни и снижением приверженности к порядку. При таком проявлении может быть характерно несоблюдении режима дня, прокрастинации и пренебрежении рутинными делами, поскольку основное внимание направлено на удовлетворение потребностей и получение удовольствия в виртуальном мире.



Таким образом, активная вовлеченность в онлайн-деятельность может оказывать как положительное (расслабление), так и негативное (снижение активности в реальном мире, изменение в эмоциональной сфере, снижение самоконтроля) влияние на личностные характеристики.

Виртуальная и реальная идентичности часто сопоставляются: виртуальная личность может отражать, дополнять или искажать реальные черты, обладая высокой пластичностью. Формирование виртуальной идентичности обусловлено социальными, культурными и технологическими факторами и регулируется нормами виртуального пространства.

Целостность виртуальной идентичности достигается через сочетание визуальных, психологических характеристик и способов коммуникации. Каждая составляющая влияет на восприятие человека и определяет стабильность его образа в сети. Социальные и психологические мотивы, такие как поиск одобрения, экспериментирование с ролями и компенсация неудовлетворенности реальной жизнью, играют важную роль в ее формировании. Эти процессы могут привести к развитию кибераддикции и появлению особых субкультурных норм.

Эмпирическая часть исследования показала, что большинство испытуемых демонстрируют умеренную активность в социальных сетях. Лишь небольшая доля проявляет высокий уровень активности, что может указывать на более открытое и насыщенное присутствие в сети. В целом, пользователи используют социальные платформы как полезный инструмент, взвешенно контролируя свою активность, конфиденциальность и стремясь поддерживать баланс между виртуальной и реальной жизнью.

В исследовании обнаружено, что большинство участников имеют низкий уровень развития виртуальной идентичности, что говорит о том, что для них реальная самопрезентация и самоопределение остаются приоритетными. Активность в интернете практически не влияет на их восприятие себя и не меняет их жизненных ориентиров. Около трети респондентов находятся на среднем уровне развития виртуальной идентичности, что свидетельствует о некотором интересе к виртуальному пространству, но без значительной зависимости. Лишь 1 % демонстрируют высокий уровень активности онлайн, что может указывать на возможную зависимость или сильную ориентацию на виртуальную самореализацию. В целом, можно сказать, что большинство участников предпочитают жить и развиваться в реальной жизни, а виртуальная идентичность для них не является центральным аспектом самовыражения или формирования личности.

Исследование показало, что люди со средним уровнем виртуальной идентичности активно присутствуют в социальных сетях, демонстрируя высокий уровень вовлеченности. Они создают множество ак-

каунтов, регулярно посещают платформы и участвуют в разнообразных онлайн-активностях, что свидетельствует о сильной привязанности к виртуальному пространству. Эти пользователи отличаются более выраженной социальностью, активностью и желанием быть частью цифрового сообщества. Однако при сравнительном анализе выявлены важные отличия в психологических характеристиках. У людей со средним уровнем виртуальной идентичности наблюдается более низкий уровень самоконтроля. Они склонны проявлять большую импульсивность, меньшую аккуратность и настойчивость. Такой психологический портрет конкурирует с поведением людей с низким уровнем виртуальной идентичности, у которых контроль над импульсивностью проявлен сильнее. Эти пользователи лучше справляются с регулировкой своих эмоциональных и поведенческих реакций, реже попадают в ситуации, требующие длительной концентрации и выдержки. Таким образом, более высокий уровень виртуальной идентичности способствует активному взаимодействию с онлайн-средой, но одновременно связан с ослаблением личного самоконтроля и повышенной импульсивностью, что отражается на их поведении и психологическом состоянии.

Выявлено, что между виртуальной идентичностью и индивидуально-психологическими качествами человека существует обратная связь. У тех, кто склонен к кибераддикции, наблюдается снижение таких характеристик, как самоконтроль, аккуратность, настойчивость и предусмотрительность. Чем сильнее человек погружается в виртуальную среду и формирует виртуальный образ, тем сильнее уменьшается его способность к эмпатии и пониманию других. Повышенное принятие субкультуры в интернете связано со снижением чувств вины, привязанности и теплоты, а также ухудшением показателей ответственности и социального взаимодействия.

Проведенное исследование показало, что выдвинутые нами гипотезы нашли свое подтверждение.

В целом, исследование подтверждает необходимость изучения психологических особенностей пользователей социальных сетей в цифровую эпоху и служит базой для дальнейших исследований виртуальной идентичности. Полученные результаты способствуют разработке рекомендаций по гармоничному развитию личности в условиях цифровой среды, обеспечивая более безопасное и осознанное использование социальных сетей.

Список источников

1. Погорелов Д. Н. Структура виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4(141). С. 262–268.
2. Войскунский А. Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.



3. Солдатова Е. Л., Шляпникова И. А. Связь эго-идентичности и личностной зрелости // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 29–33.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. СПб. : Наука, 2002. 460 с.
6. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. 502 с.

References

1. Pogorelov D. N. The structure of virtual identity of users of social networks // Kazan

- Pedagogical Journal. 2020. № 4(141). P. 262–268.
2. Voiskunsky A. E. Psychology and the Internet. M. : Akropolis, 2010. 439 p.
3. Soldatova E. L., Shlyapnikova I. A. The connection between ego-identity and personal maturity // Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology. 2015. Vol. 8. № 1. P. 29–33.
4. Sartre J.-P. Existentialism is humanism // Twilight of the Gods. Moscow : Politizdat, 1989.
5. Heidegger M. Genesis and time / translated from German by V. V. Bibikhin. St. Petersburg : Nauka Publ., 2002. 460 p.
6. Bakhtin M. M. Questions of literature and aesthetics. M. : Fiction, 1975. 502 p.

Информация об авторах

А. С. Лолаева — доцент кафедры конституционного и административного права Горского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук;

В. В. Ильченко — доцент кафедры психологии Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова, кандидат психологических наук.

Information about the authors

A. S. Lolaeva — Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Gorsky State Agrarian University, Candidate of Legal Sciences;

V. V. Ilchenko — Associate Professor of the Department of Psychology of the North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Candidate of Psychological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.